

КВАЛИФИКАЦИЯ УБИЙСТВА ПРИ ОШИБКЕ ЛИЦА В СВОЙСТВАХ ЛИЧНОСТИ ПОТЕРПЕВШЕЙ

Н. И. Щипанова,

доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права, Южно-Уральский государственный университет

В. В. Лалац,

аспирант кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права, Южно-Уральский государственный университет

Проанализирована субъективная сторона деяния, предусмотренного п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ. По мнению авторов, наиболее правильно квалифицировать действия лица исходя из мотивов совершения преступления. В случае, если мотивом убийства является не состояние беременности, то квалифицировать необходимо по ч. 1 ст. 105 УК РФ, в ином случае действия виновного необходимо оценивать по п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Ключевые слова: *убийство, мотив, вина, умысел, беременность.*

Законность и правопорядок в нашей стране во многом зависят от УК РФ от того, насколько его положения согласованы между собой, как трактуются конструктивные признаки составов некоторых преступлений. В свою очередь одним из критериев качества УК РФ является динамика убийств. Именно поэтому на сегодняшний день наиболее актуально следующее высказывание: «Одним из важнейших направлений современной политики Российской Федерации является борьба с различными проявлениями преступности. Несмотря на небольшой удельный вес посягательств на личность в общей массе всех преступлений, представляется, что именно они обладают наибольшей опасностью, так как посягают на высшую ценность нашего государства – человека, его права и свободы. Охранять от наиболее тяжких посягательств правовые блага личности, в том числе самые важные и основополагающие из них – жизнь и здоровье, призваны нормы уголовного права. Значимость борьбы с общественно опасными деяниями данного рода подчеркивается тем, что Особенная часть Уголовного кодекса РФ открывается главой шестнадцатой, предусматривающей ответственность за преступления против жизни и здоровья. Значительную часть этих составов преступлений составляют общественно опасные деяния, последствиями которых являются смерть либо вред, причиненный здоровью или телесной неприкосновенности потерпевшего»¹.

Как известно, уголовное законодательство стремится защитить человека еще до его

рождения. Уголовно-правовые запреты касаются незаконного производства аборта (ст. 123 УК РФ) и посягательств в отношении женщины, заведомо для виновного находившейся в состоянии беременности (п. «г» ч. 2 ст. 105, п. «в» ч. 2 ст. 117, п. «е» ч. 2 ст. 126, п. «е» ч. 2 ст. 127, п. «е» ч. 2 ст. 206 УК РФ). Угрозы жизни и здоровью беременной женщины закономерно распространяются и на вынашиваемый плод, увеличивая общественную опасность содеянного и усугубляя вину преступника².

В этой связи уместно упомянуть ст. 38 Конституции РФ, которая провозглашает, что материнство и детство находятся под защитой государства.

Однако анализ преступных посягательств в отношении женщины, заведомо для виновного находившейся в состоянии беременности, показывает, что в теории и на практике есть значительные трудности, связанные с действием принципа вины в процессе их квалификации.

Т. В. Кленова отметила: «Правильно применить можно только правильно примененную норму»³. Это замечание справедливо и по отношению к п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

С субъективной стороны убийство, предусмотренное п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ, может совершаться как с прямым, так и с косвенным умыслом. Обязательным элементом является заведомость, и если она отсутствует, например, лицо добросовестно заблуждается относительно личных характеристик потерпевшей (малый срок беременности, который

не позволяет по внешнему облику определить ее наличие), то действия лица будут квалифицированы по ч. 1 ст. 105 УК РФ, иное будет означать объективное вменение. В свою очередь слово «заведомо» толкуется как «сознательно, безусловно, несомненно, как известно». Таким образом, в этом случае заведомость означает достоверное, несомненное, безусловное знание о беременности женщины, т.е. это «истина в последней инстанции», это понимание факта как неизбежного. Смоделируем ситуацию: К. сообщает своему знакомому Н., что беременна. Н., не желая ребенка и воспринимая реально сообщение К., убивает ее. Будет ли в данном случае знание Н. достоверным, безусловным и несомненным?

Указание на характеристику личности потерпевшей в п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ является квалифицирующим признаком объективного характера. Как верно указано в юридической литературе, «умысел характеризуется осознанием общественной опасности совершаемого деяния. А применительно к квалифицированным составам это требование означает осознание повышенной общественной опасности деяния, что предполагает обязательное знание субъектом тех фактических обстоятельств, которые и повышают эту опасность»⁴. Иными словами, квалифицирующие признаки объективного характера вменяются в вину лицу лишь в том случае, если это лицо их осознает. В свою очередь, есть ли указание в законе на заведомость по отношению к квалифицирующему признаку либо это указание отсутствует, правоохранительным органам и суду необходимо будет осознание квалифицирующего признака установить и доказать.

Исходя из вышеперечисленного само слово «заведомость» никакой смысловой нагрузки не несет, а, напротив, может усложнить задачу – доказать и установить безусловное и несомненное знание о беременности можно лишь при наличии хотя бы одного из следующих условий:

- 1) такой срок, при наличии которой беременность становится явной для окружающих;
- 2) виновный является врачом и лично участвовал в обследовании потерпевшей;
- 3) потерпевшая предъявила справку, подтверждающую ее беременность, обвиняемому, и он в силу каких-либо своих профессиональных навыков не усомнился в ее подлинности.

Н. А. Лопашенко выделила несколько заметных недостатков законодательной техники уголовного закона, в число которых она отнесла и избыточность уголовного закона. Избыточность закона в терминологии предполагает употребление «лишних», не подтвержденных действительной необходимостью лексических форм и выражений. И то, и другое на практике приводит к усложнению восприятия текста уголовно-правовой нормы и возникновению сложностей при доказательстве излишне введенных в закон терминов⁵. На наш взгляд, одним из таких примеров терминологической избыточности является и слово «заведомость» в тексте УК РФ. Поэтому предлагаем исключить указание на заведомость из формулировки п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ, тем более что принцип вины допускает такую возможность.

В теории достаточно спорным является вопрос о квалификации действий лица, когда оно при убийстве ошибочно полагало, что женщина беременна. В науке представлено как минимум четыре варианта квалификации действий лица, которое причинило смерть потерпевшей, при этом ошибочно полагая, что она находится в состоянии беременности:

- 1) по ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ и ч. 1 ст. 105 УК РФ;
- 2) по п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ;
- 3) по ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ;
- 4) по ч. 1 ст. 105 УК РФ⁶.

До 2005 года в судебной практике применялся первый вариант. Как отмечали некоторые ученые, это была своего рода сложная фикция, при помощи которой предпринималась попытка связать в единое целое направленность умысла и фактически наступившее последствие⁷. Однако такой вариант, на наш взгляд, противоречит принципу справедливости, потому что действия лица, которое убивает действительно беременную женщину, достоверно зная о наличии беременности, квалифицируются по п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ и наказание в этом случае назначается в рамках санкции одной статьи, а действия лица, которое убивает женщину, фактически не беременную, будут квалифицированы по двум частям ст. 105 УК РФ, и наказание будет назначаться в соответствии с правилами, изложенными в ст. 69 УК РФ. Таким образом, получается, что лицо, действия которого были менее общественно опасными, будет наказано строже. И уж совсем скромную роль в этом случае играет ч. 2 ст. 6 УК РФ.

Суть второй позиции (п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ) заключается в том, что суд признает наличиеотягчающего обстоятельства, которого в действительности нет. Указанный вариант согласуется с принципом вины, но принцип справедливости опять «страдает».

Наиболее яркими представителями третьего подхода (ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ) являются В. А. Якушин и В. В. Назаров. Они высказывают следующую мысль: «Если виновный ошибочно полагает, что убивает женщину, находящуюся в состоянии беременности, его действия нужно квалифицировать как покушение на убийство женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности. Здесь нельзя квалифицировать деяние как оконченное преступление – по п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ – на том основании, что потерпевшей причинена смерть. Виновный ошибся не в личности, как носителе каких-то общесоциальных качеств, а в особенностях тех признаков, которые присущи только данной личности, в данный момент ее физиологического состояния. И коль скоро на эти квалифицирующие свойства потерпевшего фактического воздействия не было, то и вменять их нельзя, а значит, нельзя квалифицировать это деяние как оконченное преступление. Норма о неоконченной преступной деятельности в данном случае наиболее правильно отражает существо дела. Она показывает направленность действий виновного и то, что результат, к которому он стремился, не наступил по причинам, не зависящим от его воли»⁸. Мы также считаем, что такое решение согласуется с принципом вины и справедливости, но вступает в противоречие с Общей частью УК РФ, потому что, с одной стороны, смерть потерпевшей наступила, а с другой – покушением на убийство исходя из анализа ч. 3 ст. 30 УК РФ мы признаем умышленные действия (бездействие) лица, непосредственно направленные на совершение убийства, если при этом убийство не было доведено до конца по независящим от этого лица обстоятельствам. Как известно состав ст. 105 УК РФ – материальный, и преступление не будет окончено, если смерть не наступила.

В 2005 году Президиум Верховного Суда РФ из «четырёх зол» выбрал наименьшее.

В июле 1997 года К. со своей знакомой К. в ее доме употреблял наркотические средства. К. сообщила, что она беременна, и потребовала 50 миллионов неденоминированных руб-

лей, угрожая в противном случае заявить о том, что К. ее якобы изнасиловал. На почве возникшей в связи с этим неприязни, воспринимая реально сообщение К. о беременности, К. ударил ее бутылкой по голове, затем несколько раз ногой по лицу, отчего потерпевшая потеряла сознание. Перетащив К. на кухню, К. из веревки сделал петлю, накинул К. на шею и привязал к ручке створки печи. В результате механической асфиксии потерпевшая скончалась на месте происшествия. Судебно-медицинской экспертизой установлено, что в состоянии беременности она не находилась.

В надзорном представлении заместитель Генерального прокурора РФ просил изменить судебные решения в части совершенного К. убийства, так как полагает, что за одно и то же действие, направленное на лишение жизни потерпевшей, К. необоснованно осужден по ч. 1 ст. 105 УК РФ и ст. 30 ч. 3, ст. 105 ч. 2 п. «г» УК РФ.

Рассмотрев надзорное представление с проверкой материалов уголовного дела, Президиум Верховного Суда РФ нашел изложенные в надзорном представлении доводы подлежащими удовлетворению по следующим основаниям.

Согласно ч. 2 ст. 17 УК РФ совокупностью преступлений может быть признано одно действие (бездействие), содержащее признаки преступлений, предусмотренных двумя или более статьями УК РФ.

Из приговора видно, что одни и те же действия К. суд квалифицировал и как убийство, и как покушение на убийство, т.е. по различным частям одной статьи УК РФ. Поскольку умысел К. на лишение жизни К. был полностью реализован и в результате его действий наступила смерть потерпевшей, квалификация его действий как покушение на убийство является излишней, и осуждение по этой статье УК РФ должно быть исключено из судебных постановлений⁹.

Приведем другой пример, который приводится в юридической литературе. Г., являясь уверенным, что его сожительница Б. находится в состоянии беременности, на почве ссоры взял охотничье ружье и выстрелил потерпевшей в голову, в результате чего наступила ее смерть. Суд квалифицировал действия Г. по ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ и ч. 1 ст. 105 УК РФ, признав, что умысел на убийство заведомо беременной женщины Г. не довел до конца по независящим от него

обстоятельствам, так как потерпевшая не находилась в состоянии беременности, о чем он не знал. Президиум Верховного Суда РФ исключил из состоявшихся по этому делу судебных решений указание на ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ, так как суд ошибочно квалифицировал действия Г. по совокупности преступлений. Но поскольку умысел на лишение жизни потерпевшей был им полностью реализован и в результате его действий наступила смерть потерпевшей, содеянное было квалифицировано только по ч. 1 ст. 105 УК РФ¹⁰.

По нашему мнению, такое решение в некоторых ситуациях является вполне приемлемым. Однако согласимся с теми авторами, которые считают, что при подобном подходе не всегда учитывается субъективный критерий повышенной степени общественной опасности такого убийства¹¹. Поэтому мы считаем, что действия виновного в случае ошибочного представления виновного о свойствах личности потерпевшей должны быть квалифицированы исходя из мотивов совершения преступления.

Рассуждая о значении мотива при квалификации преступления, на наш взгляд, совершенно верное заключение сделали В. В. Видякин и М. С. Фокин: «Мотивы являются средством снижения и увеличения уголовной ответственности, разграничения смежных составов, определения степени вины. Лишь тщательное исследование мотива совершения преступления конкретного лица позволит персонифицированно подойти к вопросу о его наказании, что в свою очередь позволит реализовать задачи и принципы уголовного права»¹².

Таким образом, на основании вышеизложенного мы считаем верным следующее утверждение: если виновный убивает женщину, полагая, что она беременна, но мотивом убийства является не ее состояние, то квалифицировать необходимо по ч. 1 ст. 105 УК РФ, тем более что беременной она все же не являлась. И в этом аспекте указанное решение Верховный Суд РФ является вполне оправданным. В другой ситуации, когда мотивом преступ-

ления является именно беременность, хотя бы и предполагаемая, действия виновного необходимо оценивать по п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

¹ Горбатова М. А. Составы преступлений, ставящих в опасность жизнь или здоровье (понятие, система и уголовно-правовой анализ): дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002. С. 3.

² Никульченкова Е. В. Охрана жизни еще не родившегося ребенка уголовно-правовыми средствами в России: проблемы реализации и перспективы // Инновационное образование и экономика. 2007. № 12 (1). С. 98.

³ Кленова Т. В. О понятии и проблеме учета ошибок в квалификации преступлений // Государство и право: вопросы методологии, теории и практики функционирования. Самара, 2006. С. 283.

⁴ Рарог А. И. Квалификация преступлений по субъективным признакам. СПб., 2003. С. 169.

⁵ Лопашенко Н. А. Недостатки законодательной техники Уголовного кодекса России как препятствие для его эффективного применения и криминогенный фактор // Международное и национальное уголовное законодательство: проблемы юридической техники: материалы III научно-практической конференции. М., 2004. С. 40.

⁶ Кротова Л. А. К вопросу о соотношении целесообразности и субъективного вменения при применении ст. 105 УК РФ // Категория «цель» в уголовном праве, уголовно-исполнительном праве и криминологии: материалы IV Российского конгресса. М., 2009. С. 533.

⁷ Ситникова А. И. Правоприменительные фикции при ошибке в свойствах потерпевшей // Юридический мир. 2007. № 4.

⁸ Якушин В. А., Назаров В. В. Ошибка в уголовном праве и ее влияние на пределы субъективного вменения. URL: <http://www.ex-jure.ru/law/news.php>.

⁹ Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 9 июня 2004 г. № 361п04пр «Об исключении из приговора осуждения по ч. 3 ст. 30, п. "г" ч. 2 ст. 105 УК РФ и указания о признании отягчающим обстоятельством рецидива преступлений» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ Дядюн К. Квалификация убийства женщины, заведомо для виновного находившейся в состоянии беременности // Уголовное право. 2011. № 3.

¹¹ См.: Нуркаева Т. Н. Некоторые проблемы квалификации убийства, совершенного с отягчающими обстоятельствами // Российский судья. 2004. № 7; Бавсун М., Вишнякова Н. Влияние направленности умысла на квалификацию убийств, совершаемых при отягчающих обстоятельствах // Уголовное право. 2006. № 1. С. 9–10.

¹² Видякин В. В., Фокин М. С. Уголовно-правовое значение мотива при квалификации преступления // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2012. № 2. С. 209.